



Александр Липатов

Из далекой страны в вечность (К уходу Иоанна Павла II)

«Прихожу к вам из далекой страны», - обратился из Рима к миру доселе неизвестный народам Кароль Войтыла, поляк, избранный в 1978 г. на папский престол, который в течение столетий занимали уроженцы Италии.

В 2005 г. миллионы людей, прибывших из разных концов мира в Рим, чтобы проститься с Иоанном Павлом II, восклицали: «Святой сейчас!». И римско-католическая церковь, разделяя эти чувства, эту веру и эту уверенность, сразу же (а не пять лет спустя после смерти, как того требует правило) начала ускоренную процедуру беатификации (признания святости) первого в истории христианства Первосвященника-славянина.

В чем тайна этого феномена? Где кроется его суть? Почему впервые высший иерарх стал не неким традиционным для церковной обрядности и институционально предначертанным объектом почитания, отчужденным от обыденной жизни, а по-человечески близким, обретшим душевный отклик и сердечную теплоту многонационального мира католиков на всех континентах? Почему впервые в истории разобщенного христианства этот Римский Папа стал известным среди народов протестантского и православного миров и внушающим чувства симпатии и почтения? Как случилось, что этот христианин снискал глубокое уважение в мире иудаизма и ислама, а также в кругах других конфессий Востока? И почему он

притягивал к себе мысли и взоры отнюдь не только верующих, но и людей, далеких от каких-либо религиозных воззрений?

Трудно искать однозначный ответ на эти вопросы. Да и существует ли он вообще? Каждый феномен невозможно свести к одному знаменателю в силу самой его масштабности, уникальности и неповторяемости, равно как и особенностей его восприятия, – культурного, национального, конфессионального, общественного и индивидуального.

В случае Иоанна Павла II, может быть, именно индивидуальный аспект имел особый смысл и сыграл особую роль: сама его индивидуальность предопределяла возобладание именно индивидуального восприятия его людьми прежде всего как личности, а не иерарха, прежде всего как человека, притягивающего своей харизмой, но не только. Он был лишен обычной (и как бы обязательной, обязывающей в силу самого сана) позы, присущих «должностным лицам» (и как бы надлежащим им) церемониальных жестов, конвенциональной мимики, риторической приподнятости и манерной возвышенности, – т. е. всего того, что отделяет, а по сути – отчуждает «избранника» от окружения, проводит невидимую границу между ним и «всеми остальными». Всего того, что, возвышая его, как бы заживо ставит на постамент и тем самым омертвляет, ибо отчленяет эту живую статую от живой жизни живых людей. А Иоанн Павел II всегда оставался Каролом Войтылой – и в бытность свою приходским священником, и профессором Католического университета в Люблине, и Краковским митрополитом, и Папой Римским. Теплоота, соучастие, эмпатия, непосредственность и юмор – эти свойства его натуры располагали к нему разных людей и разные, потом уже многотысячные, аудитории. В этом отношении, может быть, особенно показателен его абсолютный контакт с молодежью. Особенно показателен, ибо с ней – раскованной, ищущей, бунтующей и отнюдь не отгороженной от шаблонов массовой культуры и сугубо светских принципов житейской обыденности и самого бытия – он неизменно находил общий язык. Поэтому и возникала невидимая нить симпатии между ним

и его юными собеседниками – именно собеседниками, так как он не «выступал», не говорил как возвышающийся над слушателями и возвышенный проповедник, не вел поучительный монолог, а вступал в живой диалог, обменивался мыслями как равный с равными и притом не в возышенном стиле, а легко и одновременно серьезно, глубоко, но и с юмором, философски, но и с иронией. Уже с самого начала своего понтификата «польский Папа» вызывал в мировых средствах массовой информации сугубо человеческие чувства симпатии непосредственностью своего общения, спортивной фигурой, увлечением ездой на лыжах, легким и утонченным юмором. Юмор не оставлял его даже в важные моменты жизни. Так, после избрания на папский престол Кароль Войтыла встретил своего личного секретаря, Станислава Дзивиша (нынешнего Краковского митрополита), словами: «Стасик, лыжам конец!» Непосредственность, простота в общении, доброжелательность – все это, по свидетельствам близко знавших его людей, было присуще Понтифику изначально. Связанный с ним узами сердечной привязанности, нынешний Папа Бенедикт XVI вспоминает: «Меня соединили с Ним прежде всего его лишенная всяческих условностей непосредственность и открытость, а также исходящая из него сердечность. Было в нем чувство юмора, явно ощущаемая вероисповедальность, в которой не ощущалось ничего искусственного, напускного».

Открытость, естественность, непосредственность, простота и теплота общения – это постоянно возникает в воспоминаниях тех, кто знал или видел Кароля Войтылу – Иоанна Павла II. Может быть, это было проявление его «славянской души» и задушевности самой славянскости?.. И уже несомненно в этом проявлялась его индивидуальность, его характер, его ментальность. Все это было сильнее обязывающих условностей, все это опрокидывало стереотипы официального поведения, устоявшихся ритуалов церемониальных действий, сковывающей условности самой манеры публичного общения. Так, после восшествия на папский престол, во время церемонии принятия присяги кардиналов, Иоанн Павел II – вопреки древним правилам –

не восседал торжественно на этом новом для себя месте, а сойдя с него, принимал поочередно присягающих стоя.

Неуважение освященных традиций? Но как тут не вспомнить слова апостола Марка о том, что суббота предустановлена для человека, а не человек для субботы.

При торжественном возложении папской тиары этот новоизбранный Первосвященник засунул в карман свою кардинальскую шапочку вместо того, чтобы – как требовал обычай – передать ее ближайшему участнику церемонии. (Позже он попросил возложить ее у Остробрамской Божьей Матери в Вильнюсе – древней католической святыни Польско-Литовского государства).

После первого торжественного богослужения Иоанн Павел II – вопреки привычному церемониалу – подошел к собравшимся в храме, приветствуя их и общаясь с ними непосредственно. Вскоре после этого он по просьбе доселе неизвестной ему простой девушки венчал ее. (Раньше такое было связано только со «сливками общества».)

Во время одного из своих путешествий самолетом Папа, съевший накануне свое любимое пирожное, неважно себя почувствовал. Таблетки не помогали. Сопровождающая его духовная особа предложила последовать в туалет, на что Папа спросил: «На какой высоте мы летим?». Сопровождающий пошел за ответом к стюардессе и вернулся с сообщением: «1800 метров». Папа лукаво улыбнулся: «Потерпю. Слишком близко от власти».

Приятель Войтылы со времен духовной семинарии, позднее сменивший его на должности Краковского митрополита, кардинал Ф. Махарский вспоминает: «Он никогда не возвышался над другими, не смущал тем, что его индивидуальность более глубокая, более зрелая и умудренная. Он таил в себе Личность с большой буквы, которая притягивает, а одновременно пребывает вместе с окружающими людьми...». И о его понтификате: «Есть только одно определение: „великий“! Но это величие, которое не отталкивает. Это не величие памятника.

Величие, мимо которого можно пройти. Оно такое близкое, свое, что можно его черпать даже маленькой ложечкой».

Пожалуй, лучше не скажешь. Это очеловеченное величие личности и деятельности Иоанна Павла II присутствовало на всем протяжении его понтификата: уважение к человеческой индивидуальности и забота о человеке пронизывают уже первое его папское послание. Гуманные ценности в сочетании с глубокой научной эрудицией характеризуют понимание Иоанном Павлом II давней и современной истории европейской цивилизации. Предначертания Второго Ватиканского Собора он последовательно претворяет в жизнь, учитывая память давнего и недавнего прошлого, которое осмысливается им сквозь призму многовекового опыта цивилизации. Отсюда смелое и решительное преодоление давних стереотипов: открытость к общечеловеческим ценностям и, как следствие этого, публичные акты признания исторических прегрешений римского католичества по отношению к евреям, мусульманам, православным и протестантам, первое в истории папства посещение главой римско-католической церкви храмов всех этих конфессий. Отсюда и утверждение Папой идей экуменизма и толерантности в Европе, в которой свершились самые страшные злодеяния XX века на протяжении двух мировых войн, в Европе, в которой во времена «холодной войны» тоталитарный режим в странах «реального социализма» продолжал подавлять человеческое достоинство и элементарные свободы. «Польский папа» был свидетелем и испытал на себе эту цивилизационную деградацию. Отсюда глубина его понимания европейской современности и твердость в отстаивании изначальных ценностей европейской цивилизации. Твердость, не всегда понимаемая там, где цивилизационный кризис не проявился с такой остротой, и не всегда понимаемая теми, кто не осознал онтологические причины и аксиологическую глубину цивилизационного излома¹.

¹ Ср. Липатов А. В., *Цивилизационный излом* // Европа.- 2004.- Т. 4, № 3(12).

В полосу морального упадка, распада этических норм, размытости понятий чести, долга, порядочности, кризиса институтов семьи и брака Иоанн Павел II твердо придерживался исторических принципов христианской морали (высказывания против абортов, противозачаточных средств, однополых браков) и церковных установлений (высказывания против отмены безбрачия для римско-католического духовенства и против посвящения женщин в духовный сан). Такая позиция вызвала критику в некоторых светских и духовных кругах, решительное несогласие «модернистов» и упреки в традиционализме.

В этих вопросах мышление Иоанна Павла II скорее может быть названо консервативным, но не традиционалистским, ибо он последовательно и решительно проводил в жизнь решения Второго Ватиканского Собора, которые обозначили место и роль католичества в современном мире. Его же неизменная позиция в отношении обозначенных выше вопросов может быть адекватно понята в широком контексте кризиса европейской цивилизации. Традиционная система ценностей расшатана либо сокрушена. Нарастает этический вакуум. Общество массового потребления все глубже засасывается трясиной материального бытия, лишённого идеальных смыслов. В такой полосе времени излома цивилизации «консерватизм» Иоанна Павла II означает сохранение тех твердых основ, которые не позволят трясине «материи» поглотить идеал – смысл, суть, предназначение и цель человеческого бытия в христианском его понимании.

В конечном же счете «консерватизм» Папы распространяется на те вопросы внутрицерковной жизни, которые решаются в лоне самого института Церкви. Внеинституциональное же мнение свободно в своих изъяснениях. Изменения во времени Церкви и цивилизации взаимосвязаны, но не взаимоадекватны. Это естественно, как естественна и евангельская истина: «Богу – Богово, а кесарю – кесарево».

Свою веру, свое учение, свое понимание прошлого и настоящего цивилизации Иоанн Павел II разъяснял и распространял

не только в традиционных формах деятельности понтификов. Подобно первым апостолам христианства и позднейшим христианским миссионерам, он отправлялся в разные страны, входил в разнонациональные миры, лично общаясь с людьми и лично обращаясь к ним с простыми и понятными всем словами той Правды, которая людей сближает и умиротворяет.

Эти пути через моря и континенты приблизили миллионам мировидение Папы и самого Папу. Далекий и недостижимый ранее иерарх Рима теперь – в облике Иоанна Павла II – становится близким, понятным, своим для разных людей, разных стран, разных культур. Древнюю мудрость «все дороги ведут в Рим» этот Папа преобразил в убеждение – «все дороги ведут из Рима». Благодаря понтифику «из далекой страны» эти дороги обрели двустороннее движение. Тем самым возникла обратная связь Рима с миром.

Обратная связь – свойство системы. Личная инициатива и сама харизматичная личность Иоанна Павла II способствовали возникновению такой системы духовной жизни, благодаря которой Первосвященник, олицетворяющий для многих далекий и загадочный Ватикан, стал воплощением не одного лишь римского католичества. Харизма этого Понтифика способствовала уяснению как людьми других конфессий, так и неверующими, что перед ними носитель, выразитель и защитник тех воплощенных в десяти заповедях изначальных ценностей, которые составляют универсальную основу европейской цивилизации, а тем самым объединяют всех верующих и неверующих европейцев.

О личности Иоанна Павла II с полным правом можно сказать: человек на все времена. Однако, как написал Наум Коржавин, «времена не выбирают – в них живут и умирают».

В христианском понимании смерть – в отличие от миропонимания античности – не разрыв нити Предназначением, а завершение жизненных деяний, которые выявляют все предшествующие свершения, высвечивают сам смысл связанных с

ними усилий и страданий. Об этом писал Кароль Войтыла в своей докторской диссертации «Личность и деяние».

Теперь, когда жизнь Иоанна Павла II являет собой замкнутое целое, приходит пора полного осознания его роли, значения его деятельности, значимости самого факта его присутствия в общественном и индивидуальном сознании миллионов.

Если исходить из того, что история не является процессом абсолютно безличным, то есть детерминированным отнюдь не только некими объективными закономерностями, если принимать во внимание и объективно учитывать тот непреложный факт, что исключительная личность может влиять на динамику и саму направленность движения истории, решать о выборе одной из объективно существующих альтернатив, то проблема будет заключаться в том, чтобы такая личность появилась в соответствующее время и в определенном месте, покоряя умы, увлекая воображение, мобилизуя волю людей и тем самым реализуя свое видение перспектив изменения реальности.

Прийдя в Рим из лежащей за «железным занавесом» «далекой страны», Кароль Войтыла становится Иоанном Павлом II на континенте, который человеческое зло расколол на демократический Запад и тоталитарный Восток.

На Востоке была родина Папы, на Востоке лежал весь столь близкий его сердцу славянский мир – католический, православный и протестантский. И не к крестовому походу воззвал этот Первосвященник, не к экономическим санкциям и политической изоляции системы, поработившей народы и растоптавшей права и само достоинство личности. Как мыслитель и гуманист, он осознавал: «Корень поражения коммунизма не в экономике, а в антропологии». Христианский богослов и проповедник, он убеждал: зло невозможно забыть. Зло можно только прощать. Прощать, обращаясь к Добру. Это Добро возвышается над расколом Европы и зиждется на общих, универсальных ценностях нашей цивилизации, исторически возникшей на аксиологическом фундаменте христиан-

ства. Поэтому как для верующих, так и неверующих общим является то понимание Добра, которое содержат десять заповедей.

«Правда, справедливость, любовь и свобода» - это, по мысли Иоанна Павла II, должно единить народы политически расколотовой Европы. Изначальные же ценности христианства и созданной им цивилизации призваны преодолеть ее конфессиональные расколы: именно к этой исторической памяти взывает Иоанн Павел II, говоря о Европе, которая «дышит двумя легкими» (имеется ввиду Западное и Восточное христианство).

Учение Иоанна Павла II, этическое в общественно-политической сфере и экуменическое в сфере конфессиональной, создавало образ Европы как целостного организма.

В обратной перспективе европейской истории - переосмыслении ее опыта на излете XX века - это означало переворот в умах: вместо перманентной вивисекции Европы, которую совершали конфессиональные расколы во времена Средневековья, позднее национализмы Нового времени и тоталитаризмы времен Новейших, вместо порождаемых этим непрекращающихся политических распрей и военных конфликтов, апофеозом которых были геноциды и Холокост, вместо этого внутрицивилизационного самоубийства Европы и деградации ее культуры Иоанн Павел II, римский иерарх и мыслитель-гуманист, открывает прямую перспективу на выход из цивилизационного кризиса путем морально-этического возрождения. Этот путь по самой своей сути (десять заповедей) - общий, ибо общепонятный для всех европейцев. И отсюда то общее - надконфессиональное и наднациональное - отношение к римскому Первосвященнику. Отсюда приход православных на заупокойную службу по Папе в московский католический храм и слезы на глазах православных русских женщин. Эта духовная и душевная солидарность, о которой говорил Иоанн Павел II, оказалась сильнее давних стереотипов, традиционных предубеждений и самого официального мнения Московской патриархии. Эта солидарность, которая, по словам «польского Папы», означала «один другому бремя несите», явствен-

но проявилась в дни прощания с Ним в разных концах мира, а горе поляков, которым Папа был близким по крови, разделяли те русские, которым он был близок и своим духом, и своим творчеством (многие его философские труды и литературные произведения были переведены на русский язык).

О таких исключительных личностях, которые наложили отпечаток на облик своего времени, обычно говорят: «Человек века». Иоанн Павел II запечатлел свой след не на одном лишь веке: он уже вошел в историю конца одной и начала другой Эпохи. Он – явление рубежа времен: периода грандиозного излома европейской цивилизации – ее XX века, завершившегося обвалом тоталитаризма, и начала века XXI, ознаменовавшегося эволюционным преодолением извечных конфликтов народов и государств, религиозных и политических распрей, противостояния националистических идеологий. Это многотрудное преодоление постепенно осуществляется на пути объединения Европы – общего дома, строящегося на том аксиологическом фундаменте, который на протяжении Средневековья создавало христианство, сближающее разрозненные племена общим мировосприятием и открывающее им историческую перспективу формирования наций и национальных культур, которые сообща составляют одну (общую) цивилизацию и сообща же ее развивают. Вклад Иоанна Павла II в построение Объединенной Европы, его поддержка национально-политических усилий разных стран в этом направлении общеизвестны. Своей деятельностью, самой своей жизнью и расставанием с ней Он дал впечатляющий ответ на саркастический вопрос диктатора могущественной империи: «Папа? А сколько у него дивизий?».

Сталинская империя и созданный ею «социалистический лагерь» рассыпались в прах не под ударами дивизий. Они рухнули, ибо зашли в исторический тупик безверия, духовной пустоты, морального опустошения собственной идеологии и цинизма самой элиты власти. Они были опрокинуты в небытие, ибо их перманентное насилие над человеческим естеством

вызвало человеческое несогласие, нравственное противостояние и гражданственное сопротивление.

Когда уже потом, на развалинах системы, прозвучало утверждение о том, что это Папа развалил «лагерь», он сам в ответ на этот вопрос говорил о вере, укрепляющей волю, разум и солидарность тех, кто «не боялся». Это ставшее знаменитым обращение Папы «Не бойтесь» укрепляло дух и поддерживало непреклонность в борьбе его соотечественников в, казалось бы, безнадежные времена. И именно «бесплотный идеализм», т. е. вера в силу добра, правды и справедливости, поддерживаемая и усиливаемая личным обаянием «польского Папы», помогала людям, замкнутым в соцлагере, не сломаться, не только выстоять, но и противостоять, а потом и разрушать бесчеловечную «плоть материализма» - тоталитарную систему со всеми ее «базисами» и «надстройками», номенклатурами и дивизиями.

Этот духовник поляков, противопоставивших тоталитарной идеологии и ее материальной мощи свои души и свой непокорный нрав, став духовником Рима, подвигнул другие народы и государства к отстаиванию правды и справедливости во всем мире. Просвещая умы и просветляя души, он вселял уверенность в конечное всеисие этой правды и справедливости. Широкий отклик на польскую «Солидарность» и правозащитное движение в СССР и других странах «реального социализма» - свидетельство плодотворности также и этого просвещения и этого просветления.

Крушение тоталитарной системы и многотрудное созидание Объединенной Европы в духовном и общекультурном аспектах связаны с именем Иоанна Павла II, поскольку отражают практическую реализацию идей наднациональной солидарности, межгосударственного сотрудничества, общечеловеческой справедливости и всеобщего мира, что в контексте европейской истории означает преодоление зла Правдой. Поэтому-то с Его учением и с самим Его обликом связано как сближение народов в преодолении зла, так и их объединение. За это Он ратовал и это Он поддерживал, объясняя всему миру и, в частности, своим соотечественникам историческую значи-

мость и насущную необходимость выхода из провинциальной замкнутости, национальной ограниченности и националистической ограниченности в общее пространство своей Европы. И только тогда, вследствие открытости своих народов друг на друга, эта Европа станет для них, наконец-то, «родной», «семейной» (как это окрестил другой великий поляк, лауреат Нобелевской премии, Чеслав Милош).

Таким образом, замыкая своим учением и своими деяниями не только XX век, но и целую эпоху европейской разобщенности, а вместе с ней – двухтысячелетие христианства и христианской цивилизации, Иоанн Павел II открывает путь в XXI век, а вместе с ним и новое тысячелетие Европы, становящейся общим домом для народов, связанных с ней самой своей историей.

Уходя в вечность, Человек «из далекой страны» завещал живущим верность выбранному пути к Правде и это свое «Не бойтесь».